

УДК 94(47)+94(44)

Алена Александровна Постникова

РУССКАЯ КАМПАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФРАНЦИИ В XX В.: БЕСПОМОЩНОСТЬ ИЛИ СЛАВА?

Великая война 1914 — 1918 гг., закончившаяся победой Франции, в представлении французов стала своеобразным продолжением побед великого императора. В 1921 г. маршал Ф. Фош во время церемонии, посвященной столетию со дня смерти императора Наполеона I, сказал так: «Французские солдаты всегда отличались от солдат других армий тем, что действовали более эффективно на поле битвы... Во время Аустерлица Наполеон, вдохновив солдат, привел их к победе. Его войны привели к формированию нового мира»¹.

Идея войны как прогресса человечества начала заполнять страницы исторических исследований и художественных произведений². Французы не переставали восторгаться победой. На этом фоне интерес со стороны французских исследователей к событиям войны 1812 г. заметно иссяк. Из печати выходили только научно-популярные книги, которые подчинялись одной идее — героизации русской кампании.

Так, писатель Г. Монторжуэль, связывая итог Великой войны с

героическим прошлым Франции, обратился к читателям: «Когда вы будете читать об этой красивой истории Наполеона, поразмышляйте о великих вождях, которым мы обязаны нашей последней победой»³. В описании событий русской кампании автор акцентировал внимание на коварной тактике неприятеля, ставшей неожиданностью для императора: «Наполеон рассчитывал в течение недели завершить войну, но он не подозревал, к каким хитростям прибегнет враг, уклоняясь от сражения и опустошая собственную страну»⁴. Несмотря на все препятствия, которые устраивал неприятель, Наполеон, по мнению писателя, все же одержал победу под Бородином. Автор описал отступление французов, которое завершилось военно-стратегической победой на Березине⁵. Историк Ж. Бэнвилль, признавая победы императора, все же отметил катастрофичность кампании для империи. Однако итоги он связал с русским климатом и «национальной войной», которую Наполеон не смог предвидеть⁶.

Первая империя воспринималась французами неким обоснованием героического настоящего и героического будущего. Однако вся эта конструкция рухнула с поражением страны уже на начальном этапе Второй мировой войны. Французы вновь (как это уже было после Франко-прусской войны) стали демонстрировать осторожность в трактовке событий прошлого. В то же время, осознавая, что история может способствовать «преодолению травмы», они начали постепенное возрождение забытых традиций наполеоновской эпохи. Память о Великой войне повлияла на трансформацию церемонии празднования годовщины Аустерлицкого сражения. В 1946 г. в завершение военного парада ученики школы Сен-Сир стали возлагать цветы к Могиле Неизвестного Солдата у Триумфальной арки⁷. Возродилась и традиция проводить «символические свадьбы» с участием «Наполеона».

Особое внимание государство уделяло духовному воспитанию детей. С целью сохранения в будущем национальных ценностей, «преодоления травмы» Второй мировой войны «героическое прошлое» стало входить в историческое

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи», № 20-18-00113

образовательное пространство. Так, например, в 1946 г. была опубликована получившая затем широкую популярность книга-раскраска по истории Франции для детей⁸. В предисловии авторы обратились к юным читателям с такими словами: «Малыш, ты знаешь что-нибудь из истории Франции? В каком году умерла Жанна д'Арк? Когда произошло сражение при Аустерлице?». Одна из иллюстраций имела название «Солнце Аустерлица» и сопровождалась подписью: «2 декабря 1805 года состоялось сражение при Аустерлице, которое стало самой важной победой Наполеона».

Процесс «преодоления травмы» отразился и на интерпретации событий русской кампании, которые подавались как череда безусловных побед Наполеона. В 1949 г. был опубликован 12-й том «Истории Консульства и Империи» Луи Мадлена⁹. На основе традиционной еще для середины XIX в. документальной базы он решительно оценил и Бородинское сражение, и переправу через Березину как полную победу французской армии¹⁰. Главной причиной поражения кампании в целом он определил пожар Москвы. В еще более бонапартистском духе представил события 1812 г. А. Фюжье, объяснив провал похода пространством, климатом, неистощимыми человеческими ресурсами России и «варварским» поведением русских¹¹.

К истории эпохи Наполеона обратился и известный французский писатель и историк Ж. Берто¹². Видимо, под влиянием результатов уже Второй мировой войны, в том числе поражения немецкой армии на территории СССР, он возродил тезис о «национальной войне», на которую Наполеон не рассчитывал: «Наполеон действительно узнал, на что способны русские, только в Москве. До этого времени он имел дело с армией, дипломатами, императором, но только в 1812 г. столкнулся с русским народом»¹³. Отдав дань уважения русским в годы Великой

Отечественной войны, Ж. Берто оценил пожар Москвы не как «варварский» акт неприятеля, а как проявление «несокрушимого характера сражающегося русского народа»¹⁴.

Несомненно, во французском обществе чувствовался некий диссонанс между осторожной исторической политикой правительства Четвертой республики и ожиданиями нации. Эту проблему, обращаясь к памяти о наполеоновской эпохе, поднял французский журналист П. Одиа в статье «Беспомощность и слава»¹⁵. Сравнивая события Аустерлица, кампании 1812 г. и Ватерлоо, он отмечал: «Победа по определению является триумфом силы над слабостью; это подразумевает, что победитель, используя свою силу, злоупотребил ею...»¹⁶.

Так, в кризисные моменты истории образ Наполеона становился для нации способом общественной консолидации. Поиск национальной идентичности после Второй мировой войны вновь привел французов к «героическому прошлому». В итоге французы обрели «своего императора» в лице президента Ш. де Голля, установившего режим Пятой республики и заложившего традиции политического поля современной Франции.

Шарль де Голль сосредоточил усилия на сплоченности французов на основе исторических символов. Принимая важные решения, он часто ссылался на действия предшественника — Наполеона I. Вызывая в сознании общества своеобразные исторические аналогии, он тем самым пытался завоевать его доверие. Общество же на тот момент, по видимому, разделяло эти взгляды и верило в силу «возрожденного императора».

П. Деларош. Наполеон I Бонапарт. 1838 г.

В политической и исторической литературе появились многочисленные попытки проводить аналогии между голлизмом как политическим течением и бонапартизмом¹⁷. Немало оказалось и своеобразных аллюзий на предмет политической карьеры Ш. де Голля и Наполеона. В журналах публиковались многочисленные статьи, посвященные сопоставлению обстоятельств прихода Ш. де Голля к власти в 1958 г. и 18 брюмера Наполеона Бонапарта, а также переворота, совершенного в 1851 — 1852 гг. Луи-Наполеоном Бонапартом¹⁸.

Эту тему развил историк Ж. Лука-Дюбретон, обратившийся к вопросу формирования культа Наполеона во Франции в 1815 — 1848 гг. Автор высказал мысль, впрочем, отнюдь не новую, что политическая эволюция, происходившая в те годы во Франции, способствовала формированию наполеоновской легенды¹⁹. По его мнению, образ Наполеона помог королю Луи-Филиппу стабилизировать на

некоторое время политическую ситуацию. Однако через несколько лет, теперь уже его противник, Луи-Наполеон Бонапарт, также используя память о великом императоре, совершил переворот и восстановил во Франции империю.

Подобные аналогии, которые проводили историки, казалось бы, должны были оправдать методы исторической политики Ш. де Голля по возрождению величия Франции. Однако он демонстративно заявлял, что не намерен использовать память о войнах Наполеона для обоснования внешнеполитического курса. В стремлении восстановить ведущую роль Франции в европейских делах президент говорил о необходимости прибегать к мирным средствам: «Наполеон искал национальной независимости с помощью войны, а мы могли бы достичь этой цели с помощью мира»²⁰. Однако реальность была другой. Ее хорошо подметили британцы. Так, на заявление британского премьер-министра Г. Макмиллана о необходимости договориться с французским президентом об участии Великобритании в реализации задач европейской интеграции депутаты британского парламента заявили: «Пойдет ли на это де Голль? Он сейчас как Наполеон после Аустерлица, то есть способен объединить европейский континент, оставив Британию на периферии»²¹.

Аллюзии между президентом и императором Наполеоном формировались и в общеевропейском общественном дискурсе. В свою очередь, Ш. де Голль отказался от использования методов исторической политики, в частности, применительно к возрождению памятных церемоний. Он демонстративно не стал отмечать годовщину празднования Аустерлицкого сражения, оставив это мероприятие исключительно ритуалом школы Сен-Сир²².

На этом фоне во Франции говорили о необходимости принимать в военном прошлом Франции не только героическое, но и траги-

Ш. де Голль. 1945 г.
(URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/>)

ческое. Так, А. Сангинетти, министр по делам ветеранов, по случаю празднования 50-летия Верденской битвы заявил: «В своей истории мы не сможем отречься от Филиппа Петена как победителя Вердена, так же, как и от Наполеона Бонапарта – победителя Аустерлица»²³.

В связи с празднованием 150-летия войны 1812 г. в СССР вновь была проведена торжественная церемония на Бородинском поле, вызвавшая оживленную дискуссию на страницах французских газет по вопросу сохранения исторической памяти: «СССР отметил 150-летие русской кампании. Мы во Франции до сих пор игнорируем эту страницу истории. Почему? Трагедия 1812 года, тем не менее, многое сделала для легенды о Франции. Разве не должна произойти драма, чтобы поразить воображение и остаться в памяти потомства? Была бы Жанна д'Арк без судебного процесса? Разве император без Святой Елены был бы таким же великим?»²⁴.

Очевидно, что общественность проявляла инициативу в возрождении памяти о русской кампании. Так, известный журналист, корреспондент газеты «Ле Монд» Ми-

шель Татю, освещавший церемонию на Бородинском поле, отметил, что это событие вызывает «конфликт памяти» у двух народов: «Французские и русские историки расходятся по поводу результатов сражения уже сто пятьдесят лет. В наших школьных учебниках написано, что победа при Бородино открыла Наполеону путь к Москве. Русские дети знают, что битва при Бородино — это моральная и стратегическая победа русской армии, одержанная под командованием замечательного Кутузова. Обе стороны согласны, по крайней мере, в одном — это была масштабная кровавая битва»²⁵.

Ш. де Голль как опытный политик, заинтересованный в сохранении советско-французских отношений, не прокомментировал проведение церемонии на Бородино. Тем не менее, сближение бывших неприятелей добавило несколько положительных черт к образу России в сознании французского общества²⁶. Сам Ш. де Голль, обращаясь к теме войн Наполеона, признал следующее: «Наполеон напал на Александра, и это стало самой грубой ошибкой, какую он когда-либо совершал, ничего не принуждало его к этим действиям. Эта война становится началом нашего упадка»²⁷.

Совершенно иной была реакция Парижа на празднование 150-летия битвы при Ватерлоо. Ш. де Голль последовательно не допускал возможности вхождения Англии в состав ЕЭС. Французское правительство высказало (как через прессу, так и по дипломатическим каналам) явное неудовольствие действиями Лондона по проведению памятных мероприятий²⁸.

Постепенно образ России стал терять зловещие черты, характерные для традиционной наполеоновской легенды. Специалист по русской истории Константин де Грюнвальд создал калейдоскопическую картину сражений войны 1812 г., основанную на отрывках из

воспоминаний и работ участников тех событий, сопроводив их собственными комментариями. Он пришел к выводу, что Наполеон одержал победы во всех сражениях Отечественной войны, неизменно демонстрируя гениальность военного стратега²⁹.

Особо следует отметить книгу барона Ж. Тири, корреспондента Института Наполеона³⁰. Несмотря на то, что он опирался на наиболее достоверные документы, все же создал красивую героическую легенду о русской кампании. Вслед за предыдущими авторами, он назвал русскую кампанию «кровавой, но победоносной для Наполеона»³¹.

Подобной торжественностью были проникнуты кадры фильма «Трубач Березины» режиссера Ж. П. Каррера. Эпизод возведения понтонерами переправы убеждал зрителя в великой самоотверженности французских солдат в период отступления.

Образ «Березины», вновь став общенациональным событием, возрождался не только на страницах исторических исследований, но и на экране, постепенно начал внедряться в коммуникативную память французов как метафора кризиса, трагедии. В 1962 г. П. Перрет написал песню «Березина», в которой оказались скрыты разные, чаще всего тяжелые жизненные проблемы.

«Преодолев травму» Второй мировой войны, французское общество уже после ухода Ш. де Голля обратилось к научному осмыслению русского похода. Война 1812 г. теперь воспринималась как далекая история. Все же отдельные сюжеты наполеоновской эпохи продолжали находить отражение в политическом и общественном пространстве. Так, начало президентского срока Ж. Помпиду в 1969 г. пришлось на юбилей рождения великого императора. По инициативе французского президента были проведены масштабные праздники в Аяччо, родном городе Наполеона. В публичных

речах Ж. Помпиду неоднократно отмечал в качестве основного достижения политики Наполеона консолидацию нации на основе идеи величия Франции³².

Следует отметить, что Ж. Помпиду обращался чаще всего к образам внешней политики императора, считая основной политической задачей продолжение процесса европейской интеграции. В своих статьях 19-й французский президент героизировал Наполеоновские войны, которые, по его мнению, были призваны установить мир и обеспечить процветание европейских народов. Он отмечал,

статье «В поисках европейскости России» автор, характеризуя европейские черты архитектуры городов СССР, обратился к периоду пребывания Наполеона в Москве, написав, что французские солдаты еще в 1812 г. отметили переходное состояние русских от «дикости» к «цивилизации»³⁴. Спустя несколько лет, на страницах газеты «Ле Монд» появилась статья о начале «перестройки» в СССР, в которой фраза «русская зима, погубившая Наполеона» использовалась как метафора кризисного периода³⁵. Однако было уже очевидным, что русская кампания перестала быть

Ю. Фалат. Отступление армии Наполеона через Березину в 1812 г. 1890 г.

что, несмотря на полное трагизма отступление Великой армии из России, Наполеон остался для Франции символом величия, человеком, заложившим основные принципы международной политики страны³³.

В периодической печати образ русской кампании активно использовался для характеристики СССР как одного из ключевых игроков на международной арене. Так, в опубликованной в 1976 г.

важным элементом национальной памяти французов.

На рубеже 70 — 80-х гг. XX в. в Европе произошли большие изменения, повлиявшие на интеллектуальную жизнь Франции и предопределившие новый этап трансформации образа Наполеона в общественном сознании. В исторической науке начался процесс «деконструкции» мифов, проявилось стремление к «преодолению прошлого».

Зарождение нового представления об исторических событиях как продукте памяти, созданном под воздействием государства и отдельных социальных групп, способствовало перемещению центра формирования образов прошлого из правительственных в общественные структуры. Возрождение великого императора как идеала власти в рамках «политического поля» пришлось на период президентства социалиста Ф. Миттерана.

Несмотря на то, что руководство страны во главе с Ф. Миттераном дистанцировалось от исторических аналогий, что было характерно для предшествующего времени, общество в целом не утратило надежду на «воскрешение Наполеона». Французы в образе Ф. Миттерана пытались уловить черты, которые свидетельствовали бы о «реинкарнации» великого императора. В поисках сходства общественность установила, что в окружении и того и другого был деятель по фамилии Савари*, жену и президента, и императора звали Мария-Луиза, обоих политиков манил образ Египта**.

Актуализации образов Первой империи в общественном сознании способствовало и создание Евросоюза как варианта реализации идеи Наполеона о Единой Европе. Французский президент, не ссылаясь на деятельность императора, возлагал большие надежды на Единую Европу, заявляя, что «Франция — наша страна, а Европа — это наше будущее»³⁶.

Деятельность Ф. Миттерана убедила французов в том, что он был призван продолжить политику Наполеона. Подобное представление попытался выразить французский актер П. Себастьян в ставшей популярной музыкальной сценке «От Наполеона к Миттерану». Вначале перед зрителем по-

являлся Наполеон, очутившийся на острове Святой Елены. Он начинал делиться со зрителями своими мечтами перестроить, начав с Лувра, весь Париж, но потом, осознавая, что его век подходит к закату, сожалел, что этого ему сделать уже не удастся. Неожиданно происходило перевоплощение Наполеона в Миттерана, который и завершал то, о чем мечтал когда-то французский император, — перестраивал Лувр, воздвигая перед ним несуразную египетскую пирамиду³⁷.

Эта сценка хорошо показывала, как неконтролируемое властями развитие «общественного мифа» о «президенте-императоре» приводило к появлению первых признаков «контрдискурса», выражавших себя через универсальный язык критики правящих структур. Проявлением этого «общественного контрдискурса» стали сообщения СМИ, предрекавшие скорую «Березину» для социалистов на очередных президентских выборах³⁸. Действительно, в 1995 г. произошёл провал социалистов, и следующим главой Франции стал Ж. Ширак, при котором страна попыталась возвратиться к политике голлизма. Общественность, чувствуя возрождение традиций Ш. де Голля, объявила победу Ж. Ширака «Маренго» и «Аустерлицем». Во многих газетах появились изображения Ж. Ширака в образе французского императора.

Тем не менее, период возрождения культа великого императора в обществе способствовал и активизации научных исследований, посвященных наполеоновской эпохе. В 1987 г. был создан Фонд Наполеона, который поддерживает изучение истории данного периода. Среди исторических исследований, посвященных отдельным

сюжетам русской кампании, следует выделить книгу «Мюрат, или Пробуждение нации» Ж. Тюлара³⁹. Не пытаясь привнести новый вклад в анализ событий войны, историк уклонился от оценок действий Наполеона. Ж. Тюлар лишь акцентировал внимание на тактике русских в начале кампании: «Русские отступают, сжигая все на своем пути. Умышленный тактический ход или боязнь встретиться с превосходящими силами противника? Каковы бы ни были их намерения, результат налицо: во время этой бешеной погони за противником люди и лошади быстро доходят до истощения сил, тем более что со снабжением вскоре наступают перебои»⁴⁰. Относительно результатов Бородинского сражения историк только отметил, что это «была ужасная бойня». Сюжеты отступления из России автор опустил из повествования.

Возрождение героических образов русской кампании связано с именем историка Ф. Д. Уртуля, который опубликовал книгу «Москве-река — Бородино. Битва редутов»⁴¹. Он уверял, что французы одержали под Бородином грандиозную победу. Причины же поражения всей кампании автор связал с тем, что Наполеон начал войну с Россией, не завершив войну в Испании, и что он, совершенно убежденный в победе при Москве-реке, слишком долго ждал в Москве предложений о мире. Эта книга обозначила новую актуализацию «наполеоновской легенды», предопределив траекторию развития исторической памяти уже в начале XXI в.

Таким образом, мировые войны, актуальность которых была более значима для Франции в XX в., вытеснили «живую» память о русской кампании из сознания французского общества. Однако угасание научных дискуссий вокруг этой темы после Великой войны способствовало кристаллизации восприятия 1812 г. как победы Наполеона. Французы вновь

* А. Савари — министр национального образования Франции в период президентства Ф. Миттерана; Ж. Р. Савари — министр полиции во время правления Наполеона.

** Во французских СМИ писали, что Наполеона и Миттерана манил Египет, так как император предпринял египетский поход, а президент установил перед Лувром известную пирамиду, которая стала главным входом в музей.

обратились к русской кампании с целью «преодоления травмы» после Второй мировой войны, что в большой степени усилило элемент героизации событий прошлого. Траектория движения образов 1812 г. определялась инициативой общественных структур, а не государства. В XX в. общество уже не связывало образ Наполеона с имперскостью и военной агрессией. Французы стали воспринимать русскую кампанию исключительно как национальную победу, о которой стоит помнить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Foch F. Eloge de Napoléon prononcé le 5 mai 1921 devant le tombeau de l'empereur. Paris, 1921. P. 21.
- ² См.: Les français à Vienne : bulletins de la grande armée. Paris, 1919. 240 p. ; 11-e régiment de dragons: 1914 — 1918. Paris, 1919. 130 p.
- ³ Montorgueil G. Napoléon. Paris, 1921. P. 4.
- ⁴ Ibid. P. 46.
- ⁵ Ibid. P. 54.
- ⁶ См.: Bainville J. Napoléon. Paris, 1931. 255 p.
- ⁷ См.: Le 141-e anniversaire d'Austerlize // Le Monde. 1946. 3 dec.
- ⁸ См.: 11 vitraux: toute l'histoire de France à colorier. Paris, 1946. 82 p.
- ⁹ См.: Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire : in 16 vols. Paris, 1949. Vol. 12. 420 p.
- ¹⁰ Ibid. P. 163.
- ¹¹ См.: Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Paris, 1954. 344 p. ; Сироткин В. Г. Война 1812 г. в общих работах современных историков Франции // История СССР. 1962. № 6. С. 181 — 191.
- ¹² См.: Bertaut J. Napoléon ignore. Paris, 1951. 92 p.
- ¹³ Bertaut J. Napoléon et les Russes // Le Monde. 1947. 25 oct.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ См.: L'impuissance et la gloire // Le Monde. 1956. 17 oct.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Bonapartisme, gaullisme — Bonapartisme, gaullisme, catholicisme social [Electronic resource]. URL: http://musee.sitemestre.fr/6001/html/histoire/histoire_gaullisme_catholicisme_social.html (accessed: 10.01.2022).
- ¹⁸ La Pensée. 1960. № 12 ; Le Monde. 1959. 09 janv.
- ¹⁹ Lucas-Dubreton J. Le culte de Napoléon 1815 — 1848. Paris, 1960. 320 p.
- ²⁰ Larcen A. Napoléon jugé par le general de Gaulle // Napoléon et l'Europe. Paris, 2004. P. 280.
- ²¹ Les Britanniques s'interrogent sur les intentions du général de Gaulle à leur égard // Le Monde. 1962. 15 dec.
- ²² 2 S: La «Saint-Austerlize» // Le Monde. 1962. 7 dec.
- ²³ Le transfert à Verdun des cendres du maréchal Pétain n'aura pas lieu à l'occasion du cinquantenaire // Le Monde. 1966. 4 mai.
- ²⁴ Le Monde. 1963. 3 janv.
- ²⁵ Ibid. 1962. 19 oct.
- ²⁶ Об этом подробнее см.: Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe. Paris, 1967. 180 p.
- ²⁷ Larcen A. Op. cit. P. 420.
- ²⁸ Война, политика, память : Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. М., 2020. С. 169.
- ²⁹ См.: Grünwald C. La campagne de Russie 1812. Paris, 1963. 262 p.
- ³⁰ Thiry J. La campagne de Russie. Paris, 1969. 356 p.
- ³¹ Ibidem.
- ³² Cérémonies Napoléon à Ajaccio [Electronic resource]. URL: <http://www.ina.fr/video/CAF94060529> (accessed: 10.01.2022).
- ³³ Quand Georges Pompidou rendait hommage à Napoleon [Electronic resource]. URL: <http://napoleon1er.perso.neuf.fr/DiscoursGeorges-Pompidou.html> (accessed: 10.01.2022).
- ³⁴ Le Monde. 1976. 02 déc.
- ³⁵ Ibid. 25 déc.
- ³⁶ De Mitterrand à Chirac [Electronic resource]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/polit_0032-342x_1995_num_60_4_446 (accessed: 10.01.2022).
- ³⁷ De Napoléon a Mitterrand [Electronic resource]. URL: http://www.dailymotion.com/video/xdo579_denapoleon-a-mitterrand-vu-part-pa_fun (accessed: 10.01.2022).
- ³⁸ Le couple infernal [Electronic resource]. URL: <http://www.samuelhuet.com/kairos/37-phileo/1049-mitt-kahn.html> (accessed: 10.01.2022).
- ³⁹ См.: Тюлар Ж. Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993. 273 с.
- ⁴⁰ Там же. С. 156.
- ⁴¹ См.: Hourtoulle F. G. La Moskowa — Borodino. La Bataille des Redoutes. Paris, 2000. 380 p. = Ургуль Ф. Г. 1812. Бородино. Битва за Москву. М., 2012. 149 с.

Поступила 14.01.2022